

В ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Е. В. Катышевцева

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ А. ЗИНОВЬЕВА

Проблема государства – выяснения его природы, сущности, функций и механизмов жизнедеятельности – относится к числу всегда актуальных и, соответственно, вечных тем философской и политической онтологии. Это тем более верно, что познавательный интерес к проблеме государства никогда не ограничивался сугубо академическими рамками, а был обусловлен теми или иными потребностями государственного строительства или реформирования. Так, демонтаж советского коммунистического государства обусловил пристальное внимание отечественного политического знания к анализу сформировавшихся в рамках либеральной парадигмы концепций правового государства, гражданского общества, «государства благосостояния» с его демократическими институтами организации общественной жизни, разделением властей, политическим плюрализмом, экономической свободой, гарантиями основных прав индивидов и т. п.¹

Впрочем, исследовательский восторг в отношении закрытых некогда тем привел к тому, что незамеченным осталось принципиальное изменение глобальной социально-политической обстановки, когда попытки «перенесения в плоскость современных социальных реалий» России либерально-демократических «теоретических моделей» стали представляться, по меткому выражению О. Ф. Русаковой, «мифологическим конструктом»². Последнее обстоятельство явилось результатом одной из ведущих закономерностей глобализации, предполагающей, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, «размывание власти государства, вступление мира в эпоху транснациональной политической системы, мирового правительства»³. Вполне понятным в данной связи становится отмечаемое одним из ведущих западных теоретиков постиндустриального общества, Э. Гидденсом, поправление политической структуры современного западного общества, снижение роли демократии как системы борьбы за власть между политическими партиями, общее «разочарование в текущем демок-

ратическом процессе», падение интереса к парламентской политике, что ставит по совокупности проблему «выживания демократии и нынешней власти в ситуации, когда они, похоже, не успевают за ходом событий»⁴.

Рассмотренная конкретно-научная и историческая ситуация актуализует потребность изучения проблемы государства, причем не в аспекте неких его «признанных» предпочтительных конкретных форм, а в аспекте его первоначального, введенного еще Н. Макиавелли понимания как *stato*⁵, т. е. как особой организации общества, определяющей его состояние и социальное бытие. Подобный анализ интересен не только в смысле оценки того «наследства, от которого мы отказываемся», но и в смысле адекватного понимания вновь создаваемых на современном этапе социальных структур и институтов.

Значительный интерес в свете обозначенного подхода представляет концепция государства выдающегося отечественного философа, социолога и логика А. Зиновьева, представляющая собой переосмысление классической для русской историософской традиции концепции государственной школы, сформировавшейся к середине XIX века усилиями философов и историков права К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. Последние признавали государство, и прежде всего Русское государство, в качестве основного творческого начала истории, его движущей силы⁶. Опираясь на теоретический анализ исторического опыта обществ и государств в XX – начале XXI века, Зиновьев модернизирует и переосмысливает выводы государствоведов, выдвигая новое методологическое решение проблем соотношения общества и государства; государства как «органического союза народа, соединения всех его интересов»⁷; социальной сущности государства и др.

Основной рассуждений Зиновьева по означенному комплексу вопросов является вывод философа о принципиальном единстве, диалектической взаимосвязи института общества и государства. Данный вывод следует из эксплицитного понимания Зиновьевым общества как социоорганической целостности, социоорганического «тела», управляемого адекватным ему «мозгом» – государством. В свою очередь, государство как «управляющий орган общества» изначально предполагает имеющим быть управляемое общественное «тело». Соответственно государство рассматривается Зиновьевым не только как этап (пусть высший) в развитии общества (так подходили к данному вопросу в духе гегелевской философской системы «государственники», отождествлявшие государство с «высшей формой общежития, с высшим проявлением народности в общественной сфере»⁸), а как «необходимый», хотя и «не достаточный признак общества»⁹. «Государство формируется как орган формирующегося общества, – разъясняет свою мысль философ, – а общество формируется как человек с таким управляющим органом, каким является государство. Это – единый процесс»¹⁰.

Приведенный формально-логический аргумент в пользу двуединства «общество – государство» философ дополняет содержательным аргументом. В соответствии с ним общество – это особый тип «человека» (человеческого общежития), который *нуждается* в особом типе управления, каким является государство. Последнее, в свою очередь, представляет собой «новое качество власти»¹¹, которое присуще именно «человеку» типа общества, и проявляет себя, согласно Зиновьеву, во властных струк-

турах более высокого (государственного) уровня, которые *организуют подвластных в целое*, с одной стороны, для того, «чтобы иметь для себя постоянный источник существования (в виде поборов, дани, налогов)». А с другой стороны – для того, чтобы «обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого»¹², функционирующего в качестве такового «не в силу родственных отношений, как это имеет место в предобществах», а в силу потребности разнообразных «чуждых», «а то и вообще враждебных»¹³ друг другу людей и групп реализовать свои частные интересы, что возможно лишь в условиях управляемого социума. Философ подчеркивает, что осуществляемая государством организация опирается на адекватный интерес подвластных, поскольку «частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое»¹⁴. Коль скоро это так, то обоюдное *встречное движение* власти и подвластных «становится началом государственности, а новое объединение – началом общества»¹⁵.

Выдвинутая Зиновьевым гипотеза возникновения государства может быть рассмотрена как развитие теории социальной обусловленности власти, но не в ее спенсеровском (результат сотрудничества, кооперации), а скорее в шопенгауэровском варианте, утверждавшем, что «государство вовсе не направлено против эгоизма вообще и как такового: наоборот, оно возникло именно из сознательного и методического эгоизма... <...> эгоизма всех; и существует оно только для того, чтобы служить ему»¹⁶.

Следуя логике своей гипотезы, философ рисует оригинальную картину бытия общества как биосоциальной иерархически организованной, многоуровневой системы, развитие которой определяется, по его мнению, как минимум, тремя уровнями внутриобщественных противоречий: противоречием между объединяемыми в его рамках «социальными атомами» – индивидами («чуждость», «враждебность»); противоречием между множествами устойчивых групп, имеющих свои собственные частные интересы; противоречием между интересами интегрированных в общество социальных индивидов и социальных групп и правящей элитой, которая «стремится поживиться за счет потребности этого скопления людей в целостности и делает своим частным интересом удовлетворение этой потребности»¹⁷.

«Человейник организуется так, – пишет философ, – что в нем с необходимостью возникает различие социальных положений для различных его членов»¹⁸. В свою очередь, социальная иерархия определяет иерархию жизненных благ и неравенство в обладании ими, квалифицируемое философом как «изначальный закон человеческого бытия», воспроизводимый самой социальной структурой. «Возникнув однажды, неравенство в распределении жизненных благ само становится опорой социальной организации, породившей его»¹⁹. Разрушение системы неравенства, согласно утверждению Зиновьева, означает создание новой ее формы, более адекватной конкретно-исторической ситуации в обществе.

Очевидно, что противоречивость общества как естественное его состояние реализуется, по Зиновьеву, в перманентно идущей социальной борьбе, которая квалифицируется философом не как борьба общественных классов за изменение социального строя и установление своей власти, а борьба за максимальное продвижение вверх по «иерархической лес-

тнице социальных позиций»²⁰ отдельных социальных индивидов и образуемых ими социальных групп.

В данном контексте роль государства как института целостности общественного организма оказывается непреходяща, что определяет, согласно Зиновьеву, становление и функционирование государства в качестве «самодовлеющего социального феномена», превращение его в «субъект истории, использующий общество как сферу и орудие своего собственного бытия»²¹.

Обозначенная Зиновьевым точка зрения служит, однако, не подтверждением идеи надклассовой сущности государства, приписывавшейся в свое время государственнымникам, а направлена против марксистской концепции государства. Прежде всего, против ее фундаментальных учений о государстве как продукте раскола общества на антагонистические классы, как орудии господствующих (эксплуататорских) классов, как надстройке над экономическим базисом, предполагающей отмирание в бесклассовом коммунистическом обществе.

Социальная природа государства, согласно гипотезе философа, определяется исполняемыми им функциями, которые не позволяют рассматривать его ни как исключительно механизм насилия, ни с учетом частного интереса государства и обслуживающих его групп людей, ни как надклассовый институт альтруистского служения народу. В итоге определение социальной природы государства философ связывает с выявлением не его классовой или «надклассовой» сущности, а с обоснованием его функционально-практических критериев, что предполагает анализ функций государственности как таковой, опуская рассмотрение традиционной для социально-политического исследования проблемы государственно-политических систем.

Фундаментальная функция государства, по Зиновьеву, – это функция целостности общества, которая реализуется в сложной совокупности функций инструментальных («охрана целостности, установление правового порядка, защита общества от внешних угроз и т. д.»)²². «Государство, – пишет Зиновьев, – возникает и существует и для самого себя» (в смысле обеспечения интересов находящихся на его службе людей), «и для привилегированных классов» (в смысле обеспечения их *status quo*), «и для всего общества»²³ (в смысле обеспечения его самосохранения).

В итоге государство осмысливается Зиновьевым как многоплановый социальный институт, орган («мозг»), имеющий сложную конфигурацию интересов, не сводимую к классовой проблематике. Первостепенную значимость для философа, рассматривающего «общество – государство» как определенный этап в мировой истории, приобретают не историко-типологические особенности развития государства и его конкретно-политические разновидности, а его общие закономерности функционирования как «основы, органа, условия, носителя целостности общества»²⁴, а также механизмы их реализации.

Ведущей закономерностью государственной власти является, по Зиновьеву, ее правовой характер. Говоря о государстве, указывает философ, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве – должны говорить о государстве²⁵.

Неразрывность государства и права, с точки зрения Зиновьева, определяется тем, что государственность, когда она «разрастается, усложняет-

ся», не может ограничиться использованием силы для того, чтобы «заставить население признать ее, покориться ей, примириться с ней». Для государственности «требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве»²⁶. В формальном аспекте первостепенная значимость права для государства как основания его правомочности выражается в том, что в системе права *в первую очередь* «устанавливается статус государства, его строение, права и способ воспроизводства»²⁷. В итоге государственная власть конституируется как «узаконенное право на принуждение подвластных к определенному поведению и на средства осуществлять это право на деле – полиция, армия, суды, тюрьмы»²⁸.

Взаимообусловленность государства и права базируется, согласно теории Зиновьева, и на том, что право является важнейшим для общества механизмом преобразования стихийно идущей в «человейнике» социальной борьбы в упорядоченную, государственно-регулируемую и регламентируемую «вертикальную динамику населения»²⁹. Основанием для данного вывода является учение Зиновьева о социальных логических классах общества, определяемых философом как социальные группы, включающие в себя «членов общества, занимающих сходное положение в социальной организации общества (в деловых клеточках, основных сферах)» и, что особенно важно, обладающих «признанной обществом и узаконенной государством»³⁰ социальной позицией. «Именно узаконивание основных логических классов и даже создание таковых» рассматривается философом в качестве «одной из фундаментальных акций государства», играющей «решающую роль в закреплении социальной организации общества»³¹ и определении возможной и необходимой внутри него динамики социального «восхождения».

Актуальным представляется осмысление Зиновьевым содержания правового регулирования системы человеческих отношений в обществе. Коль скоро «нормы (правила) поведения... касаются, – как пишет Зиновьев, – не конкретных индивидов и отдельных поступков, а логических классов (категорий) субъектов и поступков»³², то, с одной стороны, они являются формальными – в смысле признающими *формальное* равенство всех членов соответствующих логических классов общества перед буквой закона.

С другой стороны, то же самое обстоятельство позволяет рассматривать право как *иерархию* общественных правил (норм), отражающую и выражающую не только отношения координации, но и субординации в обществе.

Рассматривая право как совокупность формально равных требований к поведению членов общества, действующих в соответствии с многоуровневым характером социальной системы общества, Зиновьев осмысливает феномен права (государства и права) как основной способ саморегуляции общественного организма в контексте как его естественных запросов, обусловленных социальными законами экзистенциального эгоизма, так и его социокультурных потребностей в качестве единого целого. Иначе говоря, институционально-правовая система государственного управления «берет» социального индивида и образуемые им социальные группы как в аспекте активного социального действия (субъект права), так и в аспекте социального страдания (объект социального регулирования); соответственно право аккумулирует в себе как императив социального действия, так и адекватный ему императив социального сдерживания.

Приведенные рассуждения дают Зиновьеву основания для определения принципов государственно-правового регулирования. К ним он относит *принцип структуризации*, или правового оформления (формирования), исторически сложившейся организации общественной системы и *принцип стандартизации*, т. е. упорядочения частей системы в соответствии со сложившимися в конкретном обществе образцами. Так, философ пишет, например, о структурировании самой государственности, осуществляющейся в зависимости от территориального деления страны, на микроуровне власти в соответствии с функциональным делением власти (на власть в сферах), отмечая, что взаимодействие возникающих структур достигается на основе «принципа стандартизации», т. е. «копирования в той или иной мере»³³ нижестоящей властью власти вышестоящей.

Выдвигаемая Зиновьевым идея тождественности, взаимообусловленности государства и права позволяет философу по-новому взглянуть на давнюю философско-правовую дискуссию между «юснатуралистами» и «легистами» по вопросу об объективной сущности права, обосновав свою собственную точку зрения. Позиция философа принципиально отлична как от концепций юснатуралистского (естественно-правового) типа, усматривающих объективную сущность права в естественном, т. е. в заключающем в себе «неизменные принципы природы человека и его разума»³⁴ праве (в праве по природе); так и от легистского правопонимания, определяющего право как произвольное установление государства и игнорирующего тем самым проблему его объективной сущности. Признавая в качестве фундаментальных естественных законов функционирования социума законы экзистенциально-эгоистической борьбы (рационального расчета), философ считает неуместным говорить о преданности права естественной природой человека, которое скорее противостоит ей в качестве явления *искусственного*, *«рукотворного»*. Государственные законы, а также общественные нормы поведения, мораль, считает философ, возникают как реакция самосохранения *целого* общественного организма на естественные законы рационального расчета, определяющие поведение *отдельных* социальных индивидов и их объединений и реализующиеся в «правилах коммунального поведения». Последние, согласно философу, состоят в том, чтобы «действовать в своих интересах», «препятствовать действиям других во вред себе», удовлетворять «свои интересы... за счет других индивидов»³⁵. Являясь аспектом естественных законов рационального расчета, «правила коммунальности», по мнению Зиновьева, продуцируются средой «и затем навязываются каждому индивиду по отдельности как принудительные законы природы», неподвластные воле людей «по той простой причине, что люди просто не хотят их нарушить»³⁶. Коль скоро это так, то государственные законы создаются обществом как целым и государством как его инструментом в качестве «коллективных защитных средств людей от самих себя», а сам феномен «социального нормативизма» складывается «как условие выживания народов»³⁷.

Из приведенных рассуждений следует, что право, с одной стороны, отнюдь не является отражением некой естественно-правовой сущности человека, а с другой, отнюдь не только воплощает в себе некий государственный произвол. Квалифицируя право и его нормы как «явление иного рода» по сравнению с объективными социальными законами, Зиновьев говорит о том, что нормы права «могут как-то отражать социальные зако-

ны»³⁸. Он рассматривает социальные законы и нормы права (поведения) как компоненты диалектической пары, которые «в процессе эволюции взаимно стимулировали друг друга, – не только первые вынуждали изобретать вторые, но и изобретение вторых поощряло первые»³⁹. Итогом зиновьевской онтологии права становится определение им понятия «фундаментальное право общества», которое, «с одной стороны, фиксирует реальные явления, уже сложившиеся в человеке исторически и, с другой стороны, становится условием дальнейшего нарастания, усиления и развития этих явлений рождающегося и родившегося общества»⁴⁰. Итак, право, по Зиновьеву, в идеале есть конкретное государственно-властное воплощение воли народа *как целого*, вырастающее «из сопротивления коммуналности, стремления умерить ее (коммуналности) буйство, заключить ее в определенные рамки»⁴¹ и в этом смысле имеющее в ней свою конкретно-историческую объективную основу.

Выдвинутая Зиновьевым концепция правопонимания позволяет философу по-новому осмыслить проблему сущности правового государства. Коль скоро любое государство реализует общую волю народа к самосохранению в качестве социального целого и использует для этого правовую форму власти, то любое государство допустимо рассматривать как правовое. «Всякое общество, – пишет по данному вопросу философ, – создает какую-то правовую систему». При этом «далеко не во всяком обществе люди свободны в том смысле, в каком они свободны в современных западных странах. Общество может иметь правовые нормы, лишаящие людей “прав человека” в западном смысле». Тем не менее «становление общества есть процесс формирования какого-то государства и какого-то права, а не обязательно хорошего, с чьей-то точки зрения, государства и права»⁴².

Государственнический пафос зиновьевской идеи разделяет, как нам представляется, специалист по теории государства и права академик В. С. Нерсисянц, считающий, что «любое государство как правовая форма общей (публичной) власти – это (в меру развитости права в соответствующую социально-историческую эпоху) правовое государство», при этом современное понимание правового государства есть «специальная, соответствующая современному уровню развития права и государства конструкция правовой организации публичной власти с набором свойств и характеристик»⁴³.

Итак, концепция государства осмысливается философом в тесном единстве с проблемой существования общества, раскрываемой им в аспекте условий, при которых общество возможно. Общество, по Зиновьеву, возможно как понимаемое тройко целое, в котором государственная власть играет роль механизма целостности. *В первом случае* – это социорганическое целое, где государство, «мозг», организует необходимую для существования общества жизнедеятельность социального тела. *Во втором случае* – это функционально-структурное целое, где общество мыслится как иерархически организованная социальная система, управляемая государством как органом целостности с соответствующим ему набором функций и внутренней структурой. В понимаемой таким образом целостности механическое единство «социальных атомов» приобретает вид отношения функционального соответствия, означая, что каждый индивид находит в таком «всеединстве» свое место. *В третьем случае* речь идет об ин-

ституционально-структурном, прежде всего правовом, целом. Здесь целокупность общества осуществляется в силу того, что естественная, возникающая в силу взаимодействия экзистенциально-эгоистических индивидов и образуемых ими групп социальная борьба организационно структурируется, вводится государством в институциональные рамки. Ведущая роль среди институционально-структурных механизмов при этом принадлежит праву. Формат правоотношения, с той или иной степенью адекватности, позволяет индивиду реализовать обе стороны социального взаимодействия, участвуя в нем и в роли субъекта, и в роли объекта.

Коль скоро это так, то общество изначально формируется как «человейник» с относительно равновесной или, как пишет Зиновьев, «рациональной» социальной организацией. Стабильность такой организации определяется диалектикой связи индивида (социальной группы) и целого опосредованной системой общественно-государственных институтов. Признание государственной власти в качестве атрибута общества приводит философа к выводу о невозможности общества вне формата государственности.

Закономерным итогом намеченной философом логики рассуждений становится переосмысление и возрождение им, как оказалось, весьма глубокой гоббсовской идеи о том, что покушение на государство есть покушение на общественное состояние человека, его «возврат к дообщественному состоянию», пусть и на «более высоком уровне»⁴⁴. Утрата современным государством его влияния в условиях глобализирующегося мира, сопровождающаяся установлением «дообщественных» отношений, будет означать, по мнению Зиновьева, не возрождение хаоса и дикости, как писал в свое время Т. Гоббс, а возникновение многократно превосходящей государственную власть «сверхвласти», оказывающей на человека воздействие по типу ничем не регулируемой и не ограниченной природной стихии, превращающей его исключительно в объект своего влияния, в послушную марионетку осуществляемых «сверхвластных» манипуляций. Коль скоро это так, то «отток» власти и влияния с уровня государства на глобальный уровень будет означать, по Зиновьеву, не развитие «индивидуально-демократических институтов» или «прямое демократическое участие»⁴⁵, как считает, например, Э. Гидденс, а деструкцию традиционных государственно-политических институтов, сложившихся социально-институциональных компромиссов и механизмов общества, являя тем самым выход человечества на принципиально иной, как считает философ, «сверхчеловеческий», «сверхрациональный» уровень регулирования социума.

¹ См., напр.: Гончаров П. К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Соц.-гуманит. знания. 2000. № 2; Серебрякова С. Л. Гражданское общество, свобода, ответственность // Там же. 2003. № 3; и др.

² См.: Русакова О. Ф. Гражданское общество в эпоху глобализации // Судьбы гражданского общества в России: В 2 т. Т. 2: Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества. Екатеринбург, 2004. С. 106.

³ Там же. С. 106.

⁴ Цит. по: Малкин В. А. Интеллектуальный лидер британских лейбористов о государстве и обществе в эпоху глобализации // Полис. 2003. № 5. С. 157, 158.

⁵ См.: Основы политической науки. М., 1994. Ч. 1. С. 203.

- ⁶ См.: Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории: Курс лекций. М., 1999. С. 179; Власть и право: Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 18–19.
- ⁷ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 389.
- ⁸ Он же. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 369.
- ⁹ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 194.
- ¹⁰ Он же. Человейник // Феномен Зиновьева. М., 2002. С. 213.
- ¹¹ Он же. На пути к сверхобществу. С. 188.
- ¹² Там же. С. 195, 196.
- ¹³ Зиновьев А. А. Человейник. С. 212.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. С. 195.
- ¹⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 1. С. 325.
- ¹⁷ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. С. 196–197.
- ¹⁸ Там же. С. 172.
- ¹⁹ Там же. С. 173.
- ²⁰ Там же. С. 269.
- ²¹ Там же. С. 197.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 193.
- ²⁴ Там же. С. 197.
- ²⁵ См.: Там же. С. 204.
- ²⁶ Там же. С. 201.
- ²⁷ Там же. С. 208.
- ²⁸ Там же. С. 205.
- ²⁹ Там же. С. 269.
- ³⁰ Там же. С. 266.
- ³¹ Там же. С. 266, 267.
- ³² Там же. С. 147.
- ³³ Там же. С. 199.
- ³⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 184.
- ³⁵ Зиновьев А. А. На пути в сверхобществу. С. 138, 139.
- ³⁶ Там же. С. 141.
- ³⁷ Там же. С. 138, 174.
- ³⁸ Там же. С. 146.
- ³⁹ Там же. С. 138.
- ⁴⁰ Там же. С. 209.
- ⁴¹ Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 26.
- ⁴² Он же. На пути к сверхобществу. С. 208.
- ⁴³ Нерсисянц В. С. Философия права: Крат. учеб. курс. М., 2001. С. 39.
- ⁴⁴ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. С. 597.
- ⁴⁵ Цит. по: Малкин В. А. Интеллектуальный лидер... С. 156; Русакова О. Ф. Гражданское общество в эпоху глобализации. С. 110.

© А. А. Александров, 2005

А. А. Александров

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

«Индивид имеет бесконечную ценность»¹, – провозглашает Гегель в «Философии религии». «Человек обладает бесконечной ценностью»², – зеркальное отражение этой фразы мы находим в «Истории филосо-